

7. Лаженцев В.Н. Минерально-сырьевые ресурсы северных регионов в условиях новой индустриализации России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 7–21. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.001.
8. Галустов К.А., Ходачек И.А. За пределами статистики: качественное исследование трансформации первичного сектора экономики в постсоветской российской Арктике // Арктика и Север. 2021. № 42. С. 60–80. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.42.60.
9. Егоров Н.Е., Ковров Г.С. Сравнительная оценка инновационного развития регионов Крайнего Севера // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 62–74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.62.
10. Куратова Л.А. Оценка развития цифровой инфраструктуры пространства северных регионов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 3. С. 36–55. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2022.77.003.
11. Барбарук А.В. Крайний Север России как многомерное пространство: результаты кластерного анализа статистических показателей, характеризующих население северных территорий // Проблемы развития территории. 2019. № 6. С. 40–51. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.3.
12. Johnston J., J., Theil, H. Economics and Information Theory. *The Economic Journal*, 1969, Vol. 79, Issue 315, pp. 601–602. DOI: 10.2307/2230396.
13. Gnidchenko, A. A. Structural transformation and quality ladders: Evidence from the new Theil's decomposition. *Structural Change and Economic Dynamics*, Elsevier, 2021, vol. 59, pp. 281–291. DOI: 10.1016/j.strueco.2021.09.002.
14. Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. 2021. Т. 26, № 4. С. 20–34. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-20-34.
15. Морошкина М.В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионология. 2018. № 4. С. 638–657. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657.
16. Морошкина М.В. Региональная неравномерность по Тейлу // Региональная экономика: теория и практика. 2023. № 10. С. 1893–1912. DOI: 10.24891/fe.26.10.2310.

References

1. Ryvkina, M.V. Sotsial'no-ehkonomicheskii prognoz raionov Krainego Severa i priravnennykh k nim mestnostei // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2022. № 7. S. 194–197. DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.115.
2. Toropushina, E.E., Bashmakova E.P., Ryabova L.A. Sotsial'naya Arktika. Praktiki sotsial'nogo partnerstva v razvitii arkticheskikh territorii: nauchno-analiticheskii doklad. Apatity: FITS KNTS RAN, 2020. 76 s. DOI: 10.37614/978.5.91137.442.6.
3. Kryukov V.A., Skufina T.P., Korchak E.A. Ehkonomika sovremennoi Arktiki: v osnove uspeshnosti ehffektivnoe vzaimodeistvie i upravlenie integral'nymi riskami. Apatity: FITS KNTS RAN, 2020. 245 s. DOI: 10.37614/978.5.91137.416.7.
4. Lugovaya E.A., Aver'yanova I.V., Vdovenko S.I. Printsipy i podkhody k raionirovaniyu severnykh territorii po mediko-biologicheskim pokazatelyam: analiticheskii obzor // Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. 2023. Т. 69, № 5. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1526/30/lang,ru/> (data obrashcheniya: 24.05.2024). DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-5-7.
5. Lazhentsev V.N. Arktika i Sever v kontekste prostranstvennogo razvitiya Ros-sii // Ehkonomika regiona. 2021. Т. 17, № 3. S. 737–754. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-2.

6. Maryakhin V.M., Chasovskii V.I. Rol' Krainego Severa i priravnennykh k nemu mestnostei v prostranstvennom razvitii Rossii // *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2023. T. 17, № 4. S. 96–104. DOI: 10.5281/zenodo.10396412.
7. Lazhentsev V.N. Mineral'no-syr'evye resursy severnykh regionov v usloviyakh novoi industrializatsii Rossii // *Sever i rynek: formirovanie ehkonomie-skogo poryadka*. 2023. № 3. S. 7–21. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.001.
8. Galustov K.A., Khodachek I.A. Za predelami statistiki: kachestvennoe issledovanie transformatsii pervichnogo sektora ehkonomiki v postsovetskoi rossii-skoi Arktike // *Arktika i Sever*. 2021. № 42. S. 60–80. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.42.60.
9. Egorov N.E., Kovrov G.S. Sravnitel'naya otsenka innovatsionnogo razvitiya regionov Krainego Severa // *Arktika i Sever*. 2020. № 41. S. 62–74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.62.
10. Kuratova L.A. Otsenka razvitiya tsifrovoi infrastruktury prostranstva severnykh regionov Rossii // *Sever i rynek: formirovanie ehkonomie-skogo poryadka*. 2022. № 3. S. 36–55. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2022.77.003.
11. Barbaruk A.V. Krainii Sever Rossii kak mnogomernoe prostranstvo: rezul'taty klasternogo analiza statisticheskikh pokazatelei, kharakterizuyushchikh nasele-nie severnykh territorii // *Problemy razvitiya territorii*. 2019. № 6. S. 40–51. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.3.
12. Johnston J., J., Theil, H. Economics and Information Theory. *The Economic Journal*, 1969, Vol. 79, Issue 315, pp. 601–602. DOI: 10.2307/2230396.
13. Gnidchenko, A. A. Structural transformation and quality ladders: Evidence from the new Theil's decomposition. *Structural Change and Economic Dynamics*, Elsevier, 2021, vol. 59, pp. 281–291. DOI: 10.1016/j.strueco.2021.09.002.
14. Gagarina G.YU., Bolotov R.O. Otsenka mezhregional'nogo neravenstva v Rossii-skoi Federatsii i ego dekompozitsiya s primeneniem indeksa Teila // *Federalizm*. 2021. T. 26, № 4. S. 20–34. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-20-34.
15. Moroshkina M.V. Prostranstvennoe razvitie Rossii: regional'nye disproportsii // *Regionologiya*. 2018. № 4. S. 638–657. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657.
16. Moroshkina M.V. Regional'naya neravnomernost' po Teilu // *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika*. 2023. № 10. S. 1893–1912. DOI: 10.24891/fc.26.10.2310.

Статья принята к публикации 15.10.2024/
The article has been accepted for publication 15.10.2024.

Информация об авторе:

Петр Владимирович Куренков¹, профессор кафедры управления транспортным бизнесом и интеллектуальных систем, доктор экономических наук
Михаил Юрьевич Карышев², профессор кафедры экономика и менеджмента, доктор экономических наук, доцент

Information about the authors:

Petr Vladimirovich Kurenkov¹, Professor at the Department of Transport Business Management and Intelligent Systems, Doctor of Economic Sciences
Mikhail Yuryevich Karyshev², Professor at the Department of Economics and Management, Doctor of Economic Sciences, Docent

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article

УДК 94:631(571.54)"1928/1940"

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-50-62

Владимир Андреевич Ильиных

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

agro_iwa@mail.ru

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.: ИСТОЧНИКИ, ДИНАМИКА, СТРУКТУРА

Цель исследования – решение трех взаимосвязанных задач: а) репрезентация опубликованных статистических сборников, в которых содержится информация о сельском хозяйстве БМАССР в конце 1920-х – 1930-е гг.; б) построение рядов динамики поголовья основных видов скота, площадей посева и их организационно-производственной структуры; в) реконструкция тенденций развития сельского хозяйства Бурятии в исследуемый период. Объект исследования – сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР (БМАССР) в конце 1920-х – 1930-е гг. Базовыми источниками конструирования динамических рядов являются опубликованные в региональных и общесоюзных статистических сборниках обработанные материалы статистического мониторинга сельского хозяйства. В качестве дополнительных источников привлекаются сводные статистические материалы, извлеченные из фонда ЦСУ РГАЭ. Используемые сведения являются результатом обработки массовых источников, полученных в ходе государственного статистического мониторинга. В 1920-е гг. учет базовых количественных показателей крестьянских хозяйств, в т. ч. посевных площадей и поголовья скота, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. В конце 1920-х гг. проводились комплексные обследования колхозов и совхозов. После начала коллективизации функционирующую в предшествующий период систему сельхозстатистики упразднили. Основным методом статистического мониторинга в начале 1930-х гг. стал налоговый и ведомственный учет. В середине десятилетия была воссоздана вневедомственная система сельскохозяйственной статистики. С 1935 г. проведение ежегодного заключительного учета посевных площадей и всесоюзных переписей скота в хозяйствах всех категорий возложили на органы народно-хозяйственного учета. Результаты статистического мониторинга сельского хозяйства обрабатывались силами республиканских, краевых и областных управлений нархозучета, а затем направлялись в ЦУНХУ, где в них могли вноситься коррективы. Показатели отдельных рядов динамики сопоставимы по кругу охватываемых объектов и географическим рамкам. Их анализ позволяет определить параметры развития сельского хозяйства БМАССР. Коллективизация привела к кризису животноводства, который не был преодолен до конца 1930-х гг. В растениеводстве произошло значительное увеличение посевных площадей. Основным производителем сельскохозяйственной продукции стали колхозы. Существен-

ный вклад в производство молока, картофеля и мяса вносили личные хозяйства населения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, государственная статистика сельского хозяйства, колхозы, личные приусадебные хозяйства, Бурятия

Благодарности: статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

Для цитирования: Ильиных В.А. Сельское хозяйство бурят-монгольской асрр в конце 1920-х – 1930-е гг.: источники, динамика, структура // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 4. С. 50–62. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-50-62.

Vladimir Andreevich Ilyinykh

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia

agro_iwa@mail.ru

AGRICULTURE OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN THE LATE 1920s – 1930s: SOURCES, DYNAMICS, STRUCTURE

The objective of the study is to solve three interrelated problems: a) representation of published statistical collections containing information on agriculture in the BMASSR in the late 1920s – 1930s; b) construction of series of dynamics of the population of the main types of livestock, areas of crops and their organizational and production structure; c) reconstruction of trends in the development of agriculture in Buryatia in the study period. The object of the study is agriculture of the Buryat-Mongolian ASSR (BMASSR) in the late 1920s – 1930s. The basic sources for constructing the dynamic series are processed materials of statistical monitoring of agriculture published in regional and all-Union statistical collections. As additional sources, consolidated statistical materials extracted from the fund of the Central Statistical Survey of the Russian State Archive of Anthropology and Ethnography are used. The information used is the result of processing mass sources obtained in the course of state statistical monitoring. In the 1920s the accounting of basic quantitative indicators of peasant farms, including sown areas and livestock numbers, was carried out within the framework of selective comprehensive agricultural censuses. In the late 1920s, comprehensive surveys of collective and state farms were conducted. After the start of collectivization, the agricultural statistics system that had been in operation in the previous period was abolished. The main method of statistical monitoring in the early 1930s was tax and departmental accounting. In the middle of the decade, the non-departmental system of agricultural statistics was recreated. Since 1935, the annual final accounting of sown areas and all-Union livestock censuses in farms of all categories were assigned to the national economic accounting bodies. The results of statistical monitoring of agriculture were processed by the republican, regional and provincial departments of national economic accounting, and then sent to the Central National Economic Administration, where adjustments could be made. The indicators of individual dynamic series are comparable in terms of the range of objects covered and geographical boundaries. Their analysis allows us to determine the parameters of agricultural development in the BMASSR. Collectivization led to a crisis in livestock farming, which was not overcome until the end of the 1930s. In crop production, there was a significant increase in sown areas. Collective farms became the main producers of agricultural products. Private household plots of the population made a significant contribution to the production of milk, potatoes and meat.

Keywords: agriculture, state statistics of agriculture, collective farms, private household plots, Buryatia

Acknowledgments: The article was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Socio-economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

For citation: Ilyinykh V.A. Agriculture of the buryat-mongolian assr in the late 1920s – 1930s: sources, dynamics, structure // Socio-economic and humanitarian journal. 2025. № 1. S. 50–62. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-1-50-62.

Введение. Анализ развития сельского хозяйства входит в число базовых задач аграрной историографии. Принципиальное значение имеет изучение экономических последствий осуществления коллективизации. Важную роль играет региональный аспект темы. Особый интерес имеет изучение развития сельского хозяйства в национально-территориальных образованиях. Существенную специфику аграрных отношений в 1930-е гг. имела Бурят-Монгольская АССР (БМАССР).

Вопросы аграрного производства в Бурятии в 1930-е гг. в отечественной историографии затрагивались преимущественно в обобщающих работах и освещались фрагментарно ([1–3] и др.). Специальный анализ развития сельского хозяйства республики в XX в. осуществила Л.А. Зайцева, которая применительно к 1930-м гг. основное внимание уделила организации колхозного и совхозного производства [4]. Одним из основных недостатков всех работ по данной проблематике является отрывочность приводимых в них количественных сведений о динамике сельского хозяйства. Это связано с ограниченностью привлеченных статистических источников. В то же время реконструкция основных тенденций развития сельского хозяйства невозможна без построения и анализа совокупности рядов динамики базовых показателей сельхозпроизводства.

Цель исследования – решение трех взаимосвязанных задач: а) репрезентация опубликованных статистических сборников, в которых содержится информация о сельском хозяйстве БМАССР в конце 1920-х – 1930-е гг.; б) построение рядов динамики поголовья основных видов скота, площадей посева и их организационно-производственной структуры; в) реконструкция тенденций развития сельского хозяйства Бурятии в исследуемый период.

Объектом исследования в настоящем исследовании выступает сельское хозяйство Бурятии, основными отраслями которого являлись животноводство и растениеводство. К числу интегральных показателей развития животноводства относится поголовье основных видов сельскохозяйственных животных (лошадей, крупного рогатого скота (КРС), в том числе коров, свиней, овец и коз), растениеводства – посевные площади. Численность скота и площадь посева дают возможность репрезентативно определить не только динамику сельхозпроизводства, но и его организационно-производственную структуру.

Ставя задачу построения динамических рядов, следует сформулировать основные требования к их конструированию. Статистические данные, на базе которых они составляются, должны быть сопоставимы по методике расчета, хронологии, кругу охватываемых объектов. Принципиальное значение также имеет

проблема сопоставимости географических рамок. Необходимо также стремиться к формированию по возможности максимально протяженных рядов динамики. Для нумерации рядов динамики используются следующие буквенные и цифровые символы: литерой «А» обозначаются ряды динамики поголовья скота, «Б» – посевных площадей, «В» – организационно-производственной структуры сельского хозяйства; цифра после литеры (А1) означает порядковый номер динамического ряда.

Базовым источником для построения динамических рядов и реконструкции основных тенденций развития сельского хозяйства БМАССР служат общесоюзные и региональные статистические сборники. В качестве дополнительных источников привлекаются сводные статистические материалы, извлеченные из фонда ЦСУ РГАЭ. Используемые сведения являются результатом обработки массовых источников, полученных в ходе государственного статистического мониторинга. В 1920-е гг. учет базовых количественных показателей крестьянских хозяйств, в т. ч. посевных площадей и поголовья скота, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. В конце 1920-х гг. проводились комплексные обследования колхозов и совхозов. После начала коллективизации функционирующую в предшествующий период систему сельхозстатистики упразднили. Основным методом статистического мониторинга в начале 1930-х гг. стал налоговый и ведомственный учет. В середине десятилетия была воссоздана вневедомственная система сельскохозяйственной статистики. С 1935 г. проведение ежегодного заключительного учета посевных площадей и всесоюзных переписей скота в хозяйствах всех категорий возложили на органы народно-хозяйственного учета. Результаты статистического мониторинга сельского хозяйства обрабатывались силами республиканских, краевых и об-

ластных управлений нархозучета, а затем направлялись в ЦУНХУ, где в них могли вноситься коррективы.

Статистические сборники. В начале 1930-х гг. статистические материалы по сельскому хозяйству БМАССР публиковались в региональных статсборниках. В 1931 г. государственная плановая комиссия республики издала статистико-экономический справочник «Бурятия в цифрах» [5]. В нем были представлены статсведения за 1928–1930 гг., в т. ч. О посевах групп и отдельных культур, основных видов сельскохозяйственных животных в единоличных и коллективных хозяйствах. В 1932 г. вышел в свет подготовленный Восточносибирским краевым управлением народно-хозяйственного учета «Экономико-статистический справочник по Восточносибирскому краю» [6]. На его страницах, в частности, презентовались данные о посевных площадях групп и отдельных культур, численности основных видов скота в БМАССР в 1928–1931 гг. С 1930 г. республика входила в состав Восточносибирского края. Сведения приводились по всем категориям хозяйств, а также по колхозам за все годы, по единоличным хозяйствам и совхозам – за 1930 и 1931 гг., по личным приусадебным хозяйствам (ЛПХ) колхозников – за 1931 г.

В опубликованной управлением нархозучета БМАССР в 1933 г. книге «Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет» [7] приводились сведения о площади посева и поголовье скота только по сельским местностям. Помещенные в ней данные за 1928–1930 г. были взяты из ранее изданного статистико-экономического справочника «Бурятия в цифрах» [5]. В 1934 г. республиканское управление нархозучета подготовило новый сборник «Бурятия в цифрах» [8], в котором были представлены статматериалы за 1931–1934 гг., в том числе о поголовье основных видов скота, о посевных площадях кормовых культур, зерновых культур в целом, основных ви-

дов зерновых культур по всем категориям хозяйств и колхозам.

Во второй половине 1930-х гг. публикация региональных статсборников прекратилась. При этом статистические сведения по БМАССР появились в общесоюзных статсборниках, в которых до этого помещались данные по Восточно-сибирскому краю в целом.

В конце 1930-х гг. ЦУНХУ СССР издало три специализированных статистических сборника, в которых презентовались сведения о посевных площадях за 1938 г. [9], их динамике за 1928, 1932–1938 гг. [10] и о поголовье скота за 1928, 1933, 1935–1938 гг. [11]. В сборнике по животноводству сведения о численности сельскохозяйственных животных приводятся как на июнь 1928, 1933, 1935, 1936 гг., так и на 1 января 1935, 1936, 1937, 1938 гг. Это связано с изменением времени статистического мониторинга. С 1928 по 1936 г. осуществлялся летний учет скота, в 1935, 1936, 1937, 1938 и 1940 гг. – зимний учет (переписи по состоянию на 1 января). В 1939 г. перепись не проводилась. В данном издании содержатся сведения о поголовье скота в колхозах, в ЛПХ колхозников, в единоличных и приравненных к ним хозяйствах сельской местности за все указанные годы, в госхозах и у индивидуальных владельцев в городах за 1933, 1935, 1936 и 1938 гг., в ЛПХ рабочих и служащих сельской местности за 1935, 1936 и 1938 гг. В сборнике о посевах в 1938 г. осуществляется детальная репрезентация данных по культурам и категориям хозяйств. В сборнике о динамике посевных площадей приводятся сведения только по колхозам и госхозам.

Следует отметить, что в 1937 г. произошло изменение административных границ БМАССР. Часть ее территории перешла в состав Иркутской и Читинской областей. Во всех изданных после этого события статистических сборниках, в которых представлены данные о Буря-

тии по предшествующему периоду, осуществлен их ретроспективный пересчет в новых границах.

Публикация статистических материалов в СССР возобновилась в конце 1950-х гг. В изданном в 1957 г. специализированном сборнике помещены данные о численности скота (на 1 января 1941 г.), в т. ч. в БМАССР по госхозам, колхозам, ЛПХ колхозников, ЛПХ рабочих и служащих сельской местности, ЛПХ рабочих и служащих в городских поселениях [12]. В 1963 г. вышел первый после длительного перерыва статсборник по Бурятии [13]. В нем, в частности, зафиксированы ретроспективные данные о поголовье основных видов скота в республике за 1928–1929 и 1932–1934 гг. («на летнюю дату»), 1935–1938 и 1940–1941 гг. (на 1 января) и посевных площадях групп и отдельных культур за 1928, 1932, 1937 и 1940 гг. Сведения о посевных площадях за указанные годы и численности сельскохозяйственных животных за 1928, 1933, 1938 и 1941 гг. приведены по отдельным категориям хозяйств.

Динамика поголовья скота. Для построения динамических рядов численности сельскохозяйственных животных применительно к периоду конца 1920 – начала 1930-х гг. мы использовали «Экономико-статистический справочник по Восточносибирскому краю» (ряд динамики А1) и изданный в 1934 г. сборник «Бурятия в цифрах» (ряд динамики А2) (табл. 1). В справочнике 1931 г. «Бурятия в цифрах» данные о поголовье приведены в переводе на крупный скот [5], в книге «Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет» презентуются сведения только по сельской местности [7]. Показатели рядов А1 и А2 пересекаются по 1931 г. Данные в них отличаются. Вероятно, это связано с оперативным характером опубликованных в «Экономико-статистическом справочнике» показателей за этот год.

Таблица 1

**Динамика поголовья скота в БМАССР в 1928–1934 гг.
(на летнюю дату, в границах до 1937 г.), тыс. голов***

Год	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
<i>Ряд динамики А1</i>					
1928	335,4	1084,2	407,2	1482,6	163,9
1929	356,3	1118,0	412,2	1601,3	143,8
1930	324,6	862,7	368,2	1390,0	92,7
1931	278,5	667,4	264,6	881,1	86,2
<i>Ряд динамики А2</i>					
1931	280,6	645,5	...	840,9	70,5
1932	230,0	473,2	...	434,0	69,6
1933	188,0	425,0	...	378,0	66,3
1934	174,9	457,5	...	467,5	83,4

* Ряд динамики А1 – [6, с. 184–185]; ряд динамики А2 – [8, с. 27].

Сведения в последующих динамических рядах приведены в границах после 1937 г. (табл. 2, 3). Они построены на основе статсборников «Народное хозяйство Бурятской АССР» (ряды А3 и А5) и «Животноводство СССР» (ряды А4 и А6).

Таблица 2

**Динамика поголовья скота в БМАССР в 1928–1936 гг.
(на летнюю дату, в границах после 1937 г.), тыс. голов***

Год	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
<i>Ряд динамики А3</i>					
1928	214,2	728,6	280,6	898,4	152,1
1929	225,6	716,9	282,0	865,6	120,4
1932	145,4	302,8	112,1	248,1	51,9
1933	120,7	262,9	96,6	214,5	52,1
1934	117,7	289,5	106,6	270,1	72,7
<i>Ряд динамики А4</i>					
1928	214,2	728,6	280,6	898,4	152,1
1933	119,7	253,7	95,9	214,0	52,1
1936	117,9	386,8	135,9	429,3	103,7

*Ряд динамики А3 – [13, с. 89]; ряд динамики А4 – [11, с. 157].

Таблица 3

**Динамика поголовья скота в БМАССР в 1935–1941 гг.
(на 1 января, в границах после 1937 г.), тыс. голов***

Год	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
<i>Ряд динамики А5</i>					
1935	113,1	270,1	108,7	257,4	62,5
1936	116,9	321,6	125,8	327,9	74,8
1937	120,4	356,1	135,5	376,0	69,8
1938	124,6	388,9	150,2	445,9	68,4
1940	137,5	412,4	158,7	533,3	97,7
1941	139,9	414,1	159,8	638,4	79,9
<i>Ряд динамики А6</i>					
1935	109,5	265,1	106,8	256,7	62,2
1938	120,3	382,7	147,3	444,7	67,9

*Ряд динамики А5 – [13, с. 89]; ряд динамики А6 – [11, с. 157].

Ряд данных за пересекающиеся годы в рядах А3 и А4, А5 и А6 также отличается. По свинопоголовью разница достигает 10 %, по остальным видам скота она незначительна (от 0,3 до 3,6 %). Свиньи за счет поросят – наиболее статистически трудноуловимый вид сельскохозяйственных животных. Сборник «Животноводство СССР» составлялся специалистами ЦУНХУ, которые вносили в полученные из регионов статданные коррективы. Изданное в 1963 г. «Народное хозяйство Бурятской АССР» подготовили в статуправлении Бурятии на основе оставшихся в его архиве сведений за 1930-е гг.

Прерывистость построенных динамических рядов поголовья скота не является препятствием для определения основных этапов развития животноводства в БМАССР в конце 1920-х – 1930-е гг. Форсированная коллективизация стала причиной глубокого и затяжного кризиса отрасли, на его первом этапе проявившегося в обвальном падении численности поголовья рабочего и продуктивного скота. К середине 1933 г. численность лошадей в БМАССР в республике в границах до 1937 г. снизилась по сравнению с июнем 1929 г. в 1,9 раза, КРС – в 2,6, овец и коз в 4,2, свиней – в 2,2 раза (ряды динамики А1, А2).

Восстановление поголовья продуктивного скота в республике началось в 1934 г. В 1935–1938 гг. более высокими темпами увеличивалось поголовье скота в ЛПХ населения. Численность КРС, коров, овец и коз за эти годы в колхозах выросла на 47; 52 и 73 %, а в личном секторе аг-

рарной экономики – на 87; 66 и 141 %. Свинопоголовье в сельхозартелях снизилось на 4 %, а в ЛПХ увеличилось на 51 %. Несмотря на наращивание поголовья, восстановительные процессы в животноводстве были далеки до завершения. В начале 1938 г. скота (без учета молодняка) во всех категориях хозяйств БМАССР было меньше, чем в 1928 г. (КРС – на 44,8 %; коров – на 47,5; овец и коз – на 51,5; свиней – на 46,9 %) [11, с. 157].

В 1939 г. началась кампания по ограничению личных хозяйств населения. Поголовье КРС в ЛПХ колхозников к началу 1941 г. по сравнению с началом 1938 г. снизилось на 29 %; коров – на 12; овец и коз – на 24; свиней – на 8 % [13, с. 90, 92, 94]. В колхозах темпы наращивание численности продуктивного скота в конце 1930-х гг. выросли, в т. ч. за счет перетока части животных из личных хозяйств. В итоге по всем категориям хозяйств поголовье КРС за 1938–1940 гг. увеличилось на 6,5 %; овец и коз – на 43; свиней – на 17 % (ряд динамики А5). Тем не менее к началу 1940-х гг. достичь уровня развития животноводства конца 1920-х гг. в БМАССР так и не удалось.

Динамика растениеводства.

Для построения динамических рядов площади посева для периода конца 1920 – начала 1930-х гг. использованы «Экономико-статистический справочник по Восточносибирскому краю» (ряд динамики Б1) и сборник «Бурятия в цифрах» (ряд динамики А2) (табл. 4). Показатели рядов Б1 и Б2 пересекаются по 1931 г., по которому приведены идентичные данные.

Таблица 4

Динамика посевных площадей в БМАССР в 1928–1934 гг. (в границах до 1937 г.), тыс. га*

Год	Зерновые	Пшеница	Кормовые	Картофель	Всего посева
1	2	3	4	6	7
<i>Ряд динамики Б1</i>					
1928	292,2	55,8	13,6	4,1	311,8
1929	298,9	63,6	14,9	4,2	320,0
1930	284,6	67,9	13,8	4,8	306,7
1931	322,9	79,9	17,7	5,1	349,1

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6
<i>Ряд динамики Б2</i>					
1931	322,9	79,9	17,7	...	349,1
1932	349,1	88,0	17,2	...	376,3
1933	354,9	97,5	8,0	...	370,8
1934	407,8	116,0	9,9	...	429,2

*Ряд динамики Б1 – [6, с. 138–139]; ряд динамики Б2 – [8, с. 29].

Сведения о посевных площадях за 1928–1940 гг. в таблице 5 приведены в границах после 1937 г. Источниками построения динамических рядов являются статсборники «Посевные площади СССР» (ряд Б3) и «Народное хозяйство Бурятской АССР» (ряд Б4). Показатели рядов Б3 и Б4 пересекаются по 1928,

1932, 1937 гг. По 1937 г. приведены идентичные данные. По 1928 и 1932 гг. по всему посеву и зерновым культурам в целом, а по 1928 г. и по картофелю они незначительно различаются. Разница по картофелю и кормовым культурам за 1932 г. более существенна.

Таблица 5

**Динамика посевных площадей в БМАССР в 1928–1940 гг.
(в границах после 1937 г.), тыс. га***

Культуры	Зерновые	Пшеница	Кормовые	Картофель	Всего посева
<i>Ряд динамики Б3</i>					
1928	192,6	30,7	6,3	3,1	203,7
1932	251,0	59,6	9,0	4,1	266,0
1933	254,8	67,3	6,7	3,3	266,6
1934	285,4	74,3	8,3	5,3	301,6
1935	299,7	83,9	11,2	8,6	323,1
1936	312,5	96,7	16,4	8,9	340,8
1937	333,9	118,0	17,9	7,9	362,4
1938	348,8	133,2	24,0	10,2	386,7
<i>Ряд динамики Б4</i>					
1928	193,1	30,7	6,3	2,9	204,1
1932	251,2	59,6	12,3	5,0	270,7
1937	333,9	118,0	17,9	7,9	362,4
1940	365,2	172,3	34,4	13,2	418,4

*Ряд динамики Б3 – [10, с. 6, 15, 72, 224, 249]; ряд динамики Б4 – [13, с. 36].

В растениеводстве, в отличие от животноводства, показатели конца 1920-х гг. были существенно превзойдены. Небольшое снижение посевных площадей произошло лишь в 1930 и в 1933 г. (на 4 и 1,5 % в границах до 1937 г.). В границах после 1937 г. в 1933 г. зафиксирован незначительный рост. В остальные годы посевы в республике непрерывно росли. В 1940 г. посевные площади всех культур по сравнению с 1928 г. увеличились в

границах после 1937 г. в 2,1 раза, посевы зерновых – в 1,9, пшеницы – в 5,6, кормовых культур – в 5,4, картофеля – в 4,2 раза (ряд динамики Б3). Нарастало производство продукции полеводства. В 1937–1941 гг. валовой сбор зерновых в БМАССР по официальным данным увеличился по сравнению с предыдущим пятилетием в 1,6 раза [14, л. 10]. Постоянное введение в пашенный оборот целинных земель способствовало поддер-

жанию относительно высокого уровня урожайности хлебной нивы. Целина распахивалась в основном тракторами МТС.

Динамика организационно-хозяйственной структуры. Построить сплошной ряд динамики по организационно-хозяйственной структуре аграрного сектора экономики БМАССР в исследуемый период невозможно. Изменялись границы, время учета скота. В Сибири и ее регионах скот у рабочих и служащих впервые был отдельно зафиксирован в

рамках переписи скота 1935 г. Посевы у данной категории населения также стали учитывать с 1935 г. В первой половине 1930-х гг. ЛПХ рабочих и служащих включались в категорию единоличных хозяйств. В связи с этим сформированные нами динамические ряды организационно-хозяйственной структуры поголовья скота и посевных площадей (ряда динамики В1 и В2) состоят из отдельных фрагментов с разным набором показателей (табл. 6, 7).

Таблица 6

Структура поголовья скота в БМАССР в 1930–1940 гг. по категориям хозяйств, %*

Тип хозяйства	Лошади	КРС	Коровы	Овцы и козы	Свиньи
<i>Ряд динамики В1</i>					
<i>Фрагмент 1 (июнь 1931 г.)</i>					
Колхозы	47,4	40,2	38,4	42,5	13,5
Совхозы	0,2	0,7	0,7	3,1	0,0
ЛПХ колхозников	3,2	10,8	12,1	14,3	17,8
Единоличники	49,2	48,3	48,7	40,1	68,6
<i>Фрагмент 2 (июнь 1933 г.)</i>					
Колхозы	72,1	53,9	41,2	73,8	26,3
Совхозы	0,3	3,6	3,4	7,3	7,1
ЛПХ колхозников	1,2	26,0	33,2	12,5	38,6
Единоличники	22,8	16,0	21,3	6,3	27,8
<i>Фрагмент 3 (1 января 1938 г.)</i>					
Колхозы	84,1	53,0	46,8	73,9	17,7
Совхозы	7,2	1,9	1,7	3,8	3,1
ЛПХ колхозников	3,2	37,5	41,9	20,8	67,9
ЛПХ рабочих и служащих	2,1	5,7	7,4	1,1	8,1
Единоличники	3,3	2,0	2,2	0,6	3,2
<i>Фрагмент 4 (1 января 1941 г.)</i>					
Колхозы	88,1	67,5	55,4	86,0	30,2
Совхозы	8,4	1,5	1,3	2,0	3,7
ЛПХ колхозников	0,6	24,6	34,2	11,0	54,1
ЛПХ рабочих и служащих	2,0	5,6	8,3	0,8	12,6
Единоличники	0,9	1,2	0,5	0,1	0,4

*Фрагмент 1 – [6, с. 184–185]; фрагменты 2 и 3 – [11, с. 157]; фрагмент 4 – [13, с. 90, 92, 94].

Примечание: За 1931 и 1933 гг. в единоличные хозяйства включены ЛПХ рабочих и служащих. Сведения за 1931 г. приведены в границах до 1937 г., сведения за 1933, 1938 и 1941 г. – в границах после 1937 г.

В динамическом ряду В1 источником для построения фрагмента 1 является

«Экономико-статистический справочник по Восточносибирскому краю»,

фрагментов 2 и 3 – сборник «Животноводство СССР», фрагмента 4 – статсборник «Народное хозяйство Бурятской АССР».

Источником для конструирования фрагмента 2 в динамическом ряду В2 является статсборник «Посевные площади СССР 1938 г.», фрагментов 1 и 3 – сборник «Народное хозяйство Бурятской АССР». Поскольку в последнем из

названных изданий приводятся сведения о картофеле и овощных культурах в целом, дополнительные отдельные данные по картофелю и овощам получены из выявленных в фонде ЦСУ РГАЭ «Сводных сопоставительных таблиц основных показателей развития сельского хозяйства по стране, экономическим районам, республикам, краям и областям за 1940–1945 гг.» [15].

Таблица 7

**Структура посевных площадей в БМАССР в 1930–1940 гг.
по категориям хозяйств, %***

Тип хозяйства	Зерновые	Кормовые	Картофель	Овощи	Всего посева
<i>Ряд динамики В1</i>					
<i>Фрагмент 1 (1932 г.)</i>					
Колхозы	72,8	69,9	54,1		72,2
Совхозы	4,2	9,8	13,1		4,0
ЛПХ колхозников	0,0	0,0	26,2		0,6
Единоличники	23,7	20,3	6,6		23,2
<i>Фрагмент 2 (1938 г.)</i>					
Колхозы	97,0	85,0	52,0	80,0	94,9
Совхозы	2,6	7,5	4,9	4,0	2,9
ЛПХ колхозников	0,3	6,7	34,3	16,0	1,7
ЛПХ рабочих и служащих	0,0	0,4	6,9	0,0	0,2
Единоличники	0,2	0,4	2,0	0,0	0,2
<i>Фрагмент 3 (1940 г.)</i>					
Колхозы	97,6	88,7	62,1	78,4	95,6
Совхозы	2,4	10,5	6,1	10,7	3,2
ЛПХ колхозников	0,0	0,8	22,0	10,8	0,9
ЛПХ рабочих и служащих	0,0	0,0	9,8	0,0	0,3
Единоличники	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1

*Фрагмент 1 – [13, с. 42, 44]; фрагмент 2 – [9, с. 41, 43, 121, 126, 131]; фрагмент 3 – [13, с. 42, 44; 16, л. 241, 245, 259, 253, 285, 289, 302, 305].

Примечание: За 1932 г. в единоличные хозяйства включены ЛПХ рабочих и служащих. Сведения в таблице приведены в границах после 1937 г.

Базовой тенденцией изменения организационно-производственной структуры сельского хозяйства БМАССР в 1930-е гг. являлось увеличение удельного веса колхозов и вытеснение единоличных хозяйств. Уже в 1931 г. сельхозартели стали основным производителем продукции полеводства. В 1931 г. на их долю приходилось 56 % общей посевной пло-

щади, на долю единоличников – 42 % [6, с. 138]. В 1932 г. удельный вес колхозов вырос до 72 %, в 1938 г. – до 95 %, а единоличников снизился до 23 и 0,2 % соответственно. Во второй половине 1930-х гг. зерновые культуры выращивались почти исключительно в сельхозартелях. В 1938 г. их доля в посадках кормовых

культур составляла 85 %; овощей – 80; картофеля – 52 % (см. табл. 7).

В животноводстве вытеснение единоличников было более медленным. В 1931 г. скота у них было больше, чем в колхозах. К 1933 г. их доля в поголовье скота снизилась, но тем не менее оставалась относительно значительной (22,8 % лошадей; 21,3 % коров; 27,8 % свиней). В колхозах в 1933 г. содержалось 72 % лошадей; 54% КРС; 41 % коров; 74 % овец и коз; 26 % свиней. Во второй половине вклад единоличных хозяйств в производство животноводческой продукции минимизировался. К началу 1938 г. удельный вес сельхозартелей в поголовье лошадей вырос до 84 %; коров – до 47; овец и коз – до 74 %, а коров и свиней снизился до 53 и 18 % соответственно (см. табл. 6).

БМАССР не относилась к районам интенсивного совхозного строительства. В начале 1930-х гг. их производственный потенциал наращивался, в середине десятилетия снизился, но в целом был незначительным. В 1938 г. удельный вес совхозов и иных госхозов в общей посевной площади составлял 2,9 %; в поголовье лошадей – 7,2; КРС – 1,9; овец и коз – 3,8; свиней – 3,1 %.

Коллективизация привела к возникновению личного сектора аграрной экономики. В продуктивном животноводстве в середине 1930-х гг. он продемонстрировал высокие темпы развития, которые, в частности, привели к снижению доли колхозов в поголовье КРС и свиней (см. выше). В 1938 г. доля ЛПХ населения в общей численности КРС достигла 43 %; коров – 49; овец и коз – 22; свиней – 76 %. Коров в хозяйствах населения было больше, а свиней – значительно больше, чем в колхозах. Удельный вес ЛПХ в общей посевной площади был незначительным (1,9 %). Однако их вклад в выращивание картофеля и ово-

щей был существенным. Доля ЛПХ в посадках картофеля составляла 41 %, овощей – 16 %.

В 1939 г. началась кампания по ограничению ЛПХ, которая привела к снижению их удельного веса в сельхозпроизводстве. В конце 1930-х гг. в связи с ухудшением продовольственной ситуации в городах началось интенсивное строительство подсобных хозяйств. Вклад государственного сектора аграрной экономики в сельхозпроизводство в связи с этим несколько увеличился. В конце 1930-х гг. также продолжалось наращивание производственного потенциала колхозов. В 1940 г. их удельный вес в общей посевной площади составлял 96 %; в посевах зерновых культур – 98; посадках картофеля – 62; овощей – 78 %; в поголовье КРС – 68 %; коров – 55; овец и коз – 86; свиней 30 %. На долю личного сектора экономики приходилось 30 % КРС; 43 % коров; 67 % свиней и 12 % овец и коз, а также 32 % от общереспубликанской площади посадок картофеля. Удельный вес госхозов хотя и увеличился, но оставался незначительным: 3,2 % от общей площади посевов; 6,1% от площади посадок картофеля; 10,7 % от площади посадок овощей; 1,5 % общего поголовья КРС; 3,7 % свиноголовья; 2,0 % общей численности овец и коз.

Заключение. Таким образом, в 1930-е гг. произошли значительные изменения в организационно-производственной и отраслевой структуре сельского хозяйства БМАССР. Коллективизация привела к кризису животноводства, который не был преодолен до конца 1930-х гг. В растениеводстве произошло значительное увеличение посевных площадей. Основным производителем сельскохозяйственной продукции стали колхозы, существенный вклад в производство молока, картофеля и мяса вносили личные хозяйства населения.

Список источников

1. История Бурятской АССР: в 2 т. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1959. Т. 2. 643 с.
2. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. 389 с.